
Что говорят негативные суждения о существовании?*

© 2021 г. А.З. Черняк

*Российский университет дружбы народов,
Москва, 117198, ул. Миклухо-Маклая, д. 6.*

E-mail: abishot2100@yandex.ru

Поступила 30.11.2019

Прочтение суждений, отрицающих существование чего-либо не существующего, вызывает споры среди философов. Проблема этих суждений в том, что при стандартной интерпретации они говорят о том, что в каком-то смысле существует, что его не существует, то есть высказывают противоречие. Тогда все такие суждения либо ложны, либо лишены истинностного значения. Однако интуитивно многие из них истинны. В статье критически разбираются существующие решения этой проблемы: например, решение, состоящее в признании двойного существования – существования наряду с материальными телами, событиями, состояниями и т.п. вымышленных и абстрактных объектов, или решение Куайна, состоящее в выведении субъектных терминов таких предложений из категории имен. Автор склоняется к позиции ситуативизма, исходящей из идеи относительности существования. С этой точки зрения любое существование есть существование в какой-то ситуации – пространственно-временном срезе какого-либо мира. Ситуативизм предполагает, что сущности, обозначаемые именами вроде «Пегас» в «Пегас не существует», являются такими же составляющими реальности, как и обычные объекты с пространственно-временными характеристиками.

Ключевые слова: существование, бытие, объект, свойство, инстанциация, пустое имя, прямая референция, определенная дескрипция, дискурсивный референт, ситуация.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-83-93

Цитирование: Черняк А.З. Что говорят негативные суждения о существовании? // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 83–93.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РУДН в рамках реализации инициативной темы НИР № 100923-0-000 «Традиции и инновации в формировании и распространении социально-гуманитарного знания».

What Do Negative Existential Claims Tell?*

© 2021 Alexei Z. Chernyak

*Russian Peoples' Friendship University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation.*

E-mail: abishot2100@yandex.ru

Received: 30.11.2019

How to read negative existential claims? This question has been intensively discussed in philosophy. The problem of these propositions is that under standard reading they say something contradictory, i.e. that something that somehow exists does not exist. If so, then all such propositions must be false or having no truth value. But intuitively many of them are true. In this article different solutions to the problem of negative existential propositions are critically observed: for instance, the solution consisting in the acceptance of double existence, existence of abstract entities along with material objects, events, states etc., or the solution of W.V.O. Quine who treats names as predicates. The author aligns with situationism, the position based on the idea of relativity of existence. From this point of view any existence is an existence in some situation – spacio-temporal section of some world. Situationism presupposes that entities denoted by names like “Pegasus” belong to reality (or the world in question) like normal objects with spatio-temporal features.

Keywords: existence, being, object, property, instantiation, empty name, direct reference, definite description, discourse referent, situation.

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-5-83-93

Citation: Chernyak, Alexei Z. (2021) “What Do Negative Existential Claims Tell?”, *Voprosy Filosofii*, Vol. 5 (2021), pp. 83–93.

Негативные суждения о существовании

Вопрос о том, как понимать суждения, отрицающие, что существует нечто, что, согласно общему мнению, не существует, привлек к себе внимание философов в конце XIX – начале XX в. У.В.О. Куайн назвал эту проблему *бородой Платона*, так как исторически она доказала, что в попытках ее расчесать тупится лезвие Оккама [Куайн 1999, 326]. Проблема с этими суждениями состоит в том, что если утверждается, например,

(1) *Пегаса не существует*,

и это предложение понимается как реализующее субъектно-предикатную схему, то данное высказывание предполагает, что есть нечто, обозначаемое именем «Пегас», о чем говорится, что этого не существует. Получается, что о чем-то, что в каком-то смысле существует (поскольку оно есть), говорится, что его не существует, что ложно; между тем, (1) принято считать истинным суждением.

Распространенной классификацией выражений вроде «Пегас» является их отношение к пустым именам. Но можно по-разному понимать, что значит быть пустым именем: например, имя может быть пустым в том смысле, что его денотат – то, что оно

* Peoples Friendship University of Russia (RUDN University), grant No. 100923-0-000 “Traditions and Innovations in Forming and Spreading of Socio-humanitarian Knowledge”.

обозначает, – не существует. Пегас, в конце концов, – вымышленное существо, а не реальное. Или имя может быть пустым в том смысле, что у него вообще нет денотата. Некоторые считают имена фиктивных сущностей, используемые в суждениях о существовании, пустыми в этом смысле – лишенными референции, – а содержащие их суждения о существовании ложными [Sainsbury 2005, 195]; тогда их отрицания должны быть истинными, что соответствует интуиции. Тем не менее спорно, что предложение с пустым именем ложно, а не лишено истинностного значения, и что, соответственно, его отрицание истинно, а не лишено истинностного значения, вопреки интуиции. К тому же спорно, что подобные имена являются пустыми именно в таком радикальном смысле. Правда, отрицание этого факта необязательно предполагает признание существования воображаемых объектов. Например, Р. Карнап трактует пустые имена как имеющие денотаты, но обозначающие некий пустой класс (например, пустой класс пространственно-временных точек) или пустую вещь [Carnap 1948, 36]. Дж. Локк понимает под пустым именем, скорее, имя без денотата, но имена вроде «Пегас» он определяет как не полностью пустые, поскольку они, в отличие от нормальных имен, обозначающих, с его точки зрения, идеи, представляющие объекты окружающего мира, данные в опыте, и отвлекаемые от этого опыта, обозначают желание наличия или отсутствия соответствующей идеи [Локк 1988, 388]. В самом деле, сомнительно, что имена вроде «Пегас» не имеют референций, хотя бы потому, что мы успешно применяем их для обозначения разных сущностей – например, изображений или представлений. А если так, то, возможно, и в стандартном употреблении эти имена что-то обозначают. И даже если согласиться считать «Пегас» пустым в этом смысле, то, скажем, имена вроде «Гомер» или «Цезарь» нет оснований считать таковыми. «Цезарь» обозначает нечто существовавшее когда-то. Но предложение «Цезарь не существует», в отличие от «Цезарь не существовал», тоже воспринимается как истинное. Правда, обычно, в отличие от (1), оно значит то же, что и «Цезарь уже не существует», и подразумевает, что он когда-то существовал. Но «Гомер не существует» подобно (1) в том, что многие считают Гомера никогда не существовавшим, но при этом «Гомер» явно обозначает автора «Илиады» и «Одиссеи». Таким образом, если у имен, используемых в негативных суждениях о существовании, есть денотаты, то проблема «бороды Платона» требует решения.

Одно известное решение этой проблемы состоит в признании существования наряду с материальными телами, индивидами с пространственно-временными характеристиками, событиями, состояниями и т.п. вымышленных и абстрактных объектов. В этом случае предлагается различать между бытием и существованием [Meinong 1960]. Класс объектов у Мейнонга – самого известного апологета этой теории – охватывает все мыслимое, включая и такие сущности, как круглый квадрат. Согласно ему объекты инстанцируют свойства и существование – одно из свойств наряду с другими; соответственно, некоторые объекты не инстанцируют свойство существования [Ibid.]. Тогда (1) говорит, что есть определенный объект – Пегас – и он не существует, не инстанцирует существование. Идея двойного существования решает проблему, но за счет признания дополнительных видов сущего¹.

Другое решение состоит в том, чтобы трактовать имена, занимающие в соответствующих суждениях субъектные позиции, как предикаты, а существование не как предикат ([Russell 1905], [Куайн 1999]). В этом случае «Пегас» трактуется не как имя, а как предикат (скрытая дескрипция), а «не существует» как отрицание наличия хотя бы одного объекта, удовлетворяющего дескрипции, которую замещает этот термин (или по-другому – инстанцирующего все свойства, определяющие Пегаса и описываемые соответствующей дескрипцией). Так, Куайн полагает, что «Пегас» значит то же, что и определенная дескрипция, раскрывающая его смысл – например, «Крылатая лошадь, пойманная Беллерофоном», – и (1), соответственно, говорит всего лишь, что нет ничего, отвечающего этой (или какой-то иной подходящей) дескрипции, то есть было бы одновременно лошастью, крылатой и пойманной Беллерофоном, или, в другом варианте – что имело бы бытие, свойственное Пегасу [Куайн 1999, 331]².

Решение Рассела – Куайна

Решение Рассела и Куайна переключается с традицией отрицания идеи существования как свойства сущностей, которое они могут иметь, а могут не иметь. Эта идея была популяризована Ф. Аквинским [Aquinas 1968, Ch. 4], согласно которому можно понять, что такое человек, например, не зная, существует хотя бы один человек или нет. Между тем, еще Аристотель высказывался в ином ключе, говоря, что быть ничем не значит помимо сути вещи [Аристотель 2016, 284]. Д. Юм замечает, что нет впечатлений, вызываемых существованием вещи, отличных от впечатлений, вызываемых самой этой вещью; а поскольку идеи производны от впечатлений, нет и отдельной идеи существования [Hume 1975, § 1.2.6]. Согласно И. Канту, существование ничего не добавляет к пониманию сущности; мысля некую вещь, мы уже мыслим ее существующей [Кант 1994, A600/B628]. В общем, инстанцирование свойства индивидуальным объектом с этой точки зрения уже предполагает его существование; поэтому существование не есть еще какое-то свойство данного объекта. Не все, однако, с этим согласны, так как интуитивно все же понять, что представляет собой какая-либо сущность, можно, не приписывая ей существование. Мы понимаем, что значит быть Пегасом, хотя не считаем Пегаса существующим.

Рассел и Куайн, кроме того, исходят из еще одной существенной предпосылки, а именно – предполагают вслед за древнегреческим философом Парменидом, что все, что есть, существует. С этой точки зрения, в самом деле, невозможно быть и не существовать, и если Пегас не существует, то его нет ни в каком релевантном смысле. Тем не менее не все согласны с тем, что различие между бытием и существованием и разными видами существования полностью лишено смысла. Особенно актуально это возражение стало в связи с критикой теории дескрипций, на которой основывается решение Рассела – Куайна. Согласно критикам собственные имена, вроде «Пегас» или «Санта-Клаус», не синонимичны никаким дескрипциям, с которыми может быть ассоциировано их использование в коммуникации, и поэтому их нельзя трактовать как скрытые дескрипции³. В частности, довольно сильным выглядит так называемый модальный аргумент, высказанный С. Крипке, согласно которому если «Аристотель» и «Философ из Стагиры...» (где многоточие замечает перечисление каких угодно других свойств Аристотеля) суть синонимы, то эти выражения взаимозаменяемы во всех контекстах, и тогда, подставив дескрипцию на место имени в предложении «Аристотель родился в Стагире», можно получить тривиально истинное предложение вместо предложения, которое в принципе могло бы быть ложным [Kripke 1980, 74]⁴. Исходное предложение, однако, не является необходимо истинным, оно сообщает некий эмпирический факт об Аристотеле – то, что в других обстоятельствах могло бы не иметь места. И в любом случае, пока отсутствует доказательство того, что собственные имена естественных языков суть скрытые дескрипции, у нас нет достаточных оснований отвергать их привычную интерпретацию.

Те, кто отвергает теорию дескрипций⁵, обычно предлагают понимать собственные имена как носители так называемых прямых референций, то есть референций, не определяемых никакими дескрипциями, а производных от господствующих способов употребления этих имен в соответствующих языках. Но если «Пегас» в «Пегас не существует» понимается таким образом, его нельзя трактовать как предикат, а следует трактовать как субъектный термин, то есть нечто, имеющее референт, который должен в каком-то смысле быть.

Критика двойного существования

Но чем плохо решение Мейнонга? Почему, в самом деле, не принять, что не все, что есть, существует? Рассел критикует это решение проблемы негативных суждений о существовании на том основании, что класс всех объектов будет включать и противоречивые объекты вроде круглого квадрата [Russell 1905]; тогда получается, что,

говоря, что круглый квадрат противоречит законам геометрии, например, мы говорим о какой-то вещи, что она противоречит законам геометрии, несмотря на то, что в силу такого противоречия такой вещи не может существовать. На это возражение существуют ответы: например, что квадратность не подразумевает с необходимостью некруглость [Parsons 1974, 38–42]⁶, а также что невозможные объекты не инстанцируют, а только кодируют противоположные свойства [Zalta 1983]⁷. Другое возражение, состоящее в том, что мейнонгианская модель допускает неполные объекты – объекты, неопределенные в отношении наличия или отсутствия у них тех или иных свойств, – может быть парировано просто признанием того, что объекты могут быть полными или неполными, в отличие от их реальных коррелятов.

Куайн также высказывает возражения против приписывания именам референций к несуществующим объектам. Он разбирает две версии этого подхода, в одной из которых несуществующие объекты отождествляются с ментальными сущностями (концептами или идеями), а в другой – с чистыми, не актуализованными (не воплощенными в действительность) возможностями. Куайн отвергает оба эти решения. Основания для критики первого довольно очевидны: мы просто обычно имеем в виду не идею Пегаса, когда говорим о Пегасе, что он не существует; для нас вещи и их ментальные представления не одно и то же [Куайн 1999, 326]. Да и (1) будет, скорее всего, ложно, если «Пегас» в нем обозначает образ или идею в голове говорящего. Кроме того, если бы понимание сказанного с помощью имени «Пегас» как сообщения об идеях в головах было для нас нормальным или привычным, нашей обычной реакцией на фразы, вроде «Я только что видел Пегаса», вряд ли было бы удивление и недоверие, каковые обычно вызывает подобное утверждение, понятое буквально: ведь нет ничего удивительного в том, чтобы увидеть у себя в голове идею какого-то мифического существа; другое дело – увидеть это существо во плоти. Правда, на это можно возразить, что высказывания вроде (1) двусмысленны и выражают одновременно и нечто истинное (что нет Пегаса, инстанцирующего существование), и нечто ложное (что нет Пегаса)⁸. Тем не менее это решение работает, только если принимается концепция двойного существования.

Что касается отождествления денотатов имен вроде «Пегас» с чистыми возможностями, то (1) тогда можно трактовать, как суждение, говорящее, что соответствующая возможность не воплощена в действительность. Тогда «существует» в (1) должно читаться как «актуализована». Это устраняет противоречие: пресуппозиция высказывания приписывает существование возможности, но отрицает, что эта возможность актуализована. Куайн, тем не менее, отбрасывает и это решение, так как оно, по его мнению, ведет к перенаселенной вселенной с неупорядоченными элементами [Там же, 327]. Можно возразить, что это сомнительное основание для отбрасывания данного решения, но можно также заметить, что сама идея возможного существования нечеткая. Последующие попытки прояснить ее, говоря о возможных сущностях как о составных частях так называемых «возможных миров», сами породили существенные разногласия по вопросу об онтологическом статусе этих сущностей. Одни считают возможные миры подлинными альтернативами действительности, а населяющие их сущности существующими в этих мирах подобно тому, как реальные сущности существуют в действительности [Lewis 1973, 84–91]. Тогда (1) можно было бы трактовать как суждение, подразумевающее, что Пегас буквально существует хотя бы в одном возможном мире, и отрицающее, что что-либо подобное существует в действительности. Но сомнительно, что, говоря о возможностях, связанных с сущностями, существующими в действительности, люди говорят об их контрафактических двойниках в других мирах. Другие ([Kripke 1980; Plantinga 1974]) трактуют возможные сущности как чистые абстракции; существовать в буквальном смысле для них значит только существовать в реальности, а существование в возможности трактуется в основном как вхождение в множество пропозиций. Но в этом случае тезис, что все, что есть, существует, должен быть сохранен и (1) должно пониматься как отрицание наличия у Пегаса какого-либо существования. Но Пегас, понятый как чистая абстракция, все же является

такой абстракцией, которая, в отличие от вымышленных абстракций, связана реальными отношениями вхождения в «миры», являющиеся возможными относительно действительности. Тогда все равно, если «Пегас» трактуется как имя, его референт должен в каком-то смысле быть. Наконец, третьи настаивают на том, что разговор о возможных мирах и составляющих их элементах – чистых возможностях – нельзя понимать буквально: это лишь удобная метафора – «фикция возможных миров» ([Armstrong 1989; Rosen 1990]). Тогда (1), по-видимому, следует понимать так, что «Пегас» в нем имеет референт, существующий в каком-то возможном мире согласно фикции возможных миров, и о нем сказывается, что он не существует в действительности. Но что значит существовать где-то согласно такой-то фикции, не вполне ясно.

Также Куайн не согласен с решением, в рамках которого высказывания типа (1) предлагается трактовать как лишённые значения, то есть не истинные и не ложные [Куайн 1999, 329]. При таком понимании (1) трактуется как противоречие, а противоречия предлагается считать не имеющими истинностного значения. Куайн не разделяет доктрину бессмысленности противоречий, но независимо от этого нет достаточных оснований отвергать интуитивное восприятие (1) как истинного утверждения.

Как бы то ни было, идея двойного существования оставляет ощущение какой-то недосказанности: что, в самом деле, значит быть для объекта, не инстанцирующего существование или не воплощенного в действительность?⁹ Также есть подозрение, что различием между существованием и бытием дело не ограничится. Ведь, скажем, доктор Ватсон в романе о Шерлоке Холмсе мог бы воображать себе тайного брата-близнеца Шерлока Холмса, который иногда подменяет его. В этом случае вымышленный персонаж сам был бы автором вымышленного персонажа. И если доктор Ватсон не существует, то выдуманный им брат-близнец Шерлока Холмса не существует, можно сказать, вдвойне. А если он при этом есть, то есть в каком-то смысле, отличным от бытия вымышленного доктора Ватсона. Кроме того, наряду с реальными вымышленными сущностями следует допустить сущности, которые могли бы быть нами придуманы, но не были. Если они тоже в каком-то смысле есть, то это бытие следует отличать от бытия реальных вымыслов. Мы можем представить себе мир, в котором круглый квадрат возможен: например, мир, в котором «квадратный» не имплицирует «не круглый». Уместно предположить, что мыслимое в этом мире будет отличаться от мыслимого в нашем мире: но тогда то, что есть относительно этого мира, не будет совпадать с тем, что есть относительно нашего мира – возможно, объекты этого мира будут включать такие формы квадрата, которых нет в нашем мире, потому что они в нем не мыслимы. Тогда надо допустить, что для каждого возможного мира, определяющего объем сущего отличным от действительности образом, есть класс объектов, которые не существуют и которых нет в нашем мире, но которые, тем не менее, есть в соответствующем возможном мире. То есть нужно вводить еще один вид существования. Таким образом, принятие доктрины двойного существования ведет, скорее всего, к еще большему умножению сущностей, чем предполагается.

Но если этот подход к объяснению негативных суждений о существовании отвергается и при этом принимается, что нет также оснований признавать теорию дескрипций как объяснение семантики собственных имен в естественных языках, то как решить проблему «бороды Платона»?

Редукция существования

Можно взять за основу следующий подход. Существуют теории, в которых имена и аналогичные им по своим ролям в языке выражения (так называемые именные группы) трактуются как вводящие некую информацию о предмете – дискурсивный референт или, иначе, – карту файла ([Karttunen 1976; Kamp 1981; Heim 1983]), которая может иметь или не иметь коррелят в виде какой-то реальной сущности. Например, «Пегас» в (1) можно трактовать с этой точки зрения как выражение, вводящее дискурсивный референт с номером 1 или обозначением x , о котором известно из сказанного, что он

является Пегасом или обладает всеми свойствами Пегаса или Пегасит (или что-то такое). Затем об этом референте, отличном от какой-либо реальной сущности, говорится, что его не существует. Если трактовать это как суждение, что не существует такого дискурсивного референта, то высказывание будет выглядеть ложным; но если понимать это как утверждение, что нет ни одного реального заместителя данного дискурсивного референта, то оно выглядит вполне истинным. Тогда (1) будет говорить, что частью данного дискурса является определенный референт, наделенный такими-то свойствами, и ему ничто не удовлетворяет в реальном мире.

В определенном отношении этот подход мейнонгианский, потому что дискурсивный референт – это информация, с помощью которой субъект понимает, о чем идет речь, информация, обеспечивающая единство предмета; это, таким образом, – сущность, являющаяся медиатором между словами и миром¹⁰, то есть идея. Но в данном случае можно обойтись в интерпретации суждений вроде (1) без презумпции двойного существования. (1), понятое в согласии с этим подходом, будет сообщать, что есть дискурсивный референт, соответствующий понятию Пегаса – носитель таких-то свойств, – но ему ничего не соответствует в реальном мире. То есть «не существует» здесь можно понимать не как предикцию свойства несуществования и не как отрицание инстанцирования объектом свойства существования, а как отрицание принадлежности объекта дискурса (объекта, существующего вполне определенным образом – как часть дискурса) к определенному классу сущностей.

Есть высказывания, в которых явно говорят о чем-то существующем, что его не существует: например, когда говорят, что реальности не существует. При этом, вероятно, имеют в виду, что то, о чем идет речь, не есть то, что о нем думают. Так, говоря, что реальности не существует, вероятно, имеют в виду, что реальность есть не то, что о ней обычно думают, – не объективна. При этом может подразумеваться, что она, к примеру, субъективна. В этих случаях такие высказывания можно понимать как отрицающие не существование как одноместный предикат (как в схеме «Не верно, что a существует») и не вхождение объекта в объем связанной переменной (как в схеме « $\neg \exists x(Fx)$ »), а принадлежность к определенному классу или домену сущего: $\exists x(Fx \wedge \neg(x \in E))$). Это утверждение может дополняться подразумеванием принадлежности обсуждаемого предмета к какому-то другому классу сущего. Почему бы не трактовать так все негативные суждения о существовании? Если так понимать (1), то оно будет сообщать, что Пегас не есть сущность определенного вида, но не что его не существует.

Разные версии подобного подхода представлены в работах С. Крипке [Kripke 1973], П. Ван Инвагена [Van Inwagen 1977], Н. Сэлмона [Salmon 1998] и других. Общее для них то, что высказывания типа (1) предлагается трактовать как истинные суждения о том, что соответствующая выдуманная сущность не является реальной. Основная проблема этих концепций состоит в том, что негативным суждениям о существовании приписывается в них нестандартное прочтение. Подлинные суждения такого рода в рамках этого подхода не могут быть истинными, так как все, о чем можно говорить, существует. Суждения же вроде (1) являются скрытыми суждениями о принадлежности тому или иному виду. Но что если эти суждения суть подлинные суждения о несуществовании?

Относительное существование и ситуативизм

Другое решение может исходить из идеи относительности существования. С этой точки зрения любое существование есть существование в какой-то ситуации – пространственно-временном срезе какого-либо мира. Говоря, что нечто существует, мы можем иметь в виду, что то, о чем идет речь, существует в ситуации, в которой делается высказывание, или в той, которую выделяет говорящий. Говоря, что нечто не существует, мы можем иметь в виду или что то, о чем идет речь, не существует ни в одной ситуации или что оно не существует в конкретной выделенной ситуации. Если так

тракуется (1), то при первом прочтении оно должно быть ложно, поскольку мы принимаем, что у термина «Пегас» есть денотат, который существует хотя бы в одной ситуации. Но при втором прочтении (1) будет сообщать, что Пегас, существующий хотя бы в одной ситуации, не существует в ситуации, выделенной говорящим, что обычно истинно, если ситуация представляет какой-то обозримый с нашей позиции пространственно-временной срез действительности. Существование здесь не делится на виды, и нет нужды трактовать суждение о существовании как суждение о принадлежности классу, а также как суждение о понятиях, а не о сущностях.

Вероятно, в этом случае невозможно истинно сказать о чем-то, что оно вообще не существует, то есть не является частью какой-то ситуации. Это роднит данный подход с рассмотренным выше. Но как тогда быть с невозможными сущностями? Уместно предположить, что круглый квадрат все-таки не существует ни в какой мыслимой ситуации, хотя сам он мыслим. Но в формулировании предложения о таких сущностях в качестве субъектных терминов используются не имена, а определенные дескрипции. И это позволяет трактовать содержащие их предложения по схеме Рассела: тогда «Круглый квадрат не существует» будет правильно читать как утверждение, что ничто не является одновременно круглым и квадратом, то есть ничто существующее не отвечает одновременно двум этим понятиям.

Что же обозначают имена вроде «Пегас» или «Шерлок Холмс», если не чистые возможности, абстракции (виды) или мейнонгианские объекты мышления и познания? Ситуативизм, следующий из концепции относительного существования, очевидно, предполагает, что эти сущности являются такими же составляющими реальности, как и обычные объекты с пространственно-временными характеристиками. Они представляют собой артефакты, созданные конкретными людьми в конкретных обстоятельствах и существующие в конкретных пространственно-временных границах. В этом они подобны социальным институтам, законам общества, нациям и явлениям культуры. Этот взгляд на сущности данного вида довольно популярен в современной философии; его разделяют Шиффер [Schiffer 1996], Сэлмон [Salmon 1998], Томассон ([Thomasson 1999; Thomasson 2003]) и ряд других авторов¹¹. Но проблема данного подхода состоит в том, что, как считает большинство его защитников, вымышленные объекты, создаваемые людьми, в определенном смысле абстрактны. А это, во-первых, предполагает, что все-таки вымышленные объекты существуют как-то не так, как обычные пространственно-временные сущности, а во-вторых, многие считают, что абстракции, строго говоря, не могут быть созданы людьми [Van Inwagen 2003, 153–154]. Ответом на последнее возражение может быть просто допущение создаваемых абстракций (ср.: [Thomasson 1999]). Что касается первого возражения, то ответом на него, мне кажется, может быть отказ считать такие объекты подлинными абстракциями: в определенном смысле они вполне конкретны – локализованы в определенных пространственно-временных границах и в них существуют. С этим дополнением данный подход не требует введения двойного существования.

Защитники этого подхода в основном трактуют суждения, приписывающие какие-то свойства вымышленным объектам (во всяком случае, внутри дискурсов, в рамках которых они создаются) как не буквальные. Шерлок Холмс тогда не в буквальном смысле живет на Бейкер-Стрит. Но мы здесь исходим из того, что, по крайней мере, негативным суждением о существовании таких объектов следует позволить быть буквально истинными в согласии с интуицией. Одно решение этой проблемы состоит в том, чтобы трактовать эти суждения как отрицания ошибочных суждений, что последовательность использований соответствующего имени, стоящая за данным его использованием, восходит к наделению этим именем какого-то живого существа, а не к конкретному произведению искусства ([Thomasson 2003; Van Inwagen 2003, 146–147]).

Но как быть с нереальными вымышленными сущностями – с теми, которые мы могли бы придумать, но не придумали? Можно сказать: «У Шерлока Холмса в мире романов Конан Дойла мог бы быть брат-близнец». И его даже можно назвать – например, Виктор Холмс. Сказать, что Виктор Холмс не существует, не может тогда значить

отрицание ошибочного суждения, что последовательность использований соответствующего имени, стоящая за данным его использованием, восходит к наделению этим именем какого-то живого существа, а не к конкретному произведению искусства, так как это прочтение сделало бы Виктора Холмса аналогом реального героя реально-го произведения. Вероятно, такое суждение можно трактовать как отрицание, что последовательность использований соответствующего имени, стоящая за данным его использованием, восходит к наделению этим именем какого-то живого существа или к конкретному произведению искусства. В определенном смысле, когда суждение о Викторе Холмсе высказано, оно создает соответствующий вымышленный персонаж. Но подобное суждение может не быть публичным, Виктор Холмс может оставаться частью исключительно индивидуальной фантазии; в этом случае он не может быть аналогом социальных феноменов. Тем не менее как ментальный феномен он также имеет пространственно-временную локализацию, и, следовательно, можно сказать, что его существование принципиально не отличается от существования других ментальных феноменов, которые, при желании, можно интерпретировать физикалистски. Таким образом, не реальные вымышленные объекты можно трактовать как ментальные сущности; но это не обязывает нас понимать таким же образом реальные вымышленные сущности.

Но не все имена, используемые в истинных негативных суждениях о существовании, обозначают вымышленные сущности. Говоря, например, «Цезарь не существует» (2), мы вряд ли имеем в виду, что использование данного имени не восходит к реальному человеку. В принципе можно трактовать такого рода имена как аналоги имен вымышленных персонажей. В самом деле, часто говоря о Цезаре, мы говорим об определенном персонаже человеческой истории, описанном в ряде произведений. Фразу «У Цезаря типичный римский профиль» вполне можно воспринимать как высказывание о персонаже, изображаемом определенным корпусом исторических текстов. Но вот «Посмотрите на это изображение Цезаря; как точно оно передает его черты» сопротивляется такому пониманию, так как, если упомянутое в нем изображение изображает реального Цезаря, потому что было сделано с натуры его современником, весь дискурс будет ложным: ведь он будет говорить тогда об изображении реального Цезаря, что оно изображает Цезаря истории и точно передает его черты. Даже если черты исторического Цезаря совпадают с теми чертами реального Цезаря, которые передает данное изображение, его неправильно называть изображением Цезаря истории в том смысле, который обычно подразумевается в таких контекстах: а именно тем, что создано автором с целью воспроизведения посредством другого материала и специальных приемов определенных черт конкретного объекта, выбранного автором. Наконец, как быть с предложениями «Цезарь – реальный человек, а не вымысел» или «Реальный Цезарь отличается от Цезаря, описанного в истории»? Они прямо говорят о Цезаре как о реальном человеке, отличающемся от вымышленного персонажа. Таким образом, (2) уместнее понимать как выражение мысли, что конкретный человек, к которому восходит данное употребление данного имени, не является частью текущей ситуации, подразумевающее, что он является частью ситуации, бывшей текущей в прошлом.

Примечания

¹ Эта идея восходит еще к Демокриту, который считал, что наряду с бытием (атомами) есть и небытие (пустота). Можно также выражать эту мысль, говоря о степенях существования: например, Платон упоминает другие рода сущего кроме самого бытия, которые соединяют бытие с небытием [Платон 2007, 236с–259d].

² По сути, это решение аналогично трактовке «Кентавров не имеется», данной Пюньером в произведении Г. Фреге «О существовании. Диалог с Пюньером», которую Фреге считает говорящей о понятиях, а не о вещах [Фреге 1997, 8–9]. Поэтому иногда описываемое решение называют решением Фреге – Рассела [Nelson web].

³ См., например, аргументы С. Крипке против этой теории: [Kripke 1980, 31, 38, 81].

⁴ Даже «Аристотель есть индивид, называемый “Аристотель”» могло бы быть ложным утверждением, так как Аристотель мог бы быть известен людям под каким-то другим именем [Kripke 1980, 74].

⁵ В целом, а не одну из ее версий в пользу другой.

⁶ С точки зрения Парсонса, квадратность имплицитно не круглость только для реальных объектов.

⁷ Подробный разбор этих аргументов см. в [Nelson web].

⁸ Ср. [Parsons 1974, 572].

⁹ Подробнее разбор мейнонгианских решений см. в [Nelson web, § 2].

¹⁰ Ср.: [Heim 1983, 225-226].

¹¹ Аналогичная идея была предложена еще Р. Ингарденом [Ingarden 1931]. Похожую мысль высказывал и С. Крипке [Kripke 1973].

Источники и переводы – Primary Sources in Russian Translations

Аристотель 2016 – *Аристотель*. Метафизика. М.: ЭКСМО, 2016 (Aristotle, *Metaphysics*, Russian Translation).

Кант 1994 – *Кант И.* Критика чистого разума. *Кант И.* Сочинения в 8 томах. Т. 3. М.: Чоро, 1994 (Kant, Immanuel, *Kritik der reinen Vernunft*, Russian Translation).

Куайн 1999 – *Куайн У.В.О.* О том что есть // *Куайн У.В.О.* Слово и объект. М.: Праксис, 1999 (Quine, Willard V.O., *On What There Is*, Russian Translation).

Локк 1988 – *Локк Дж.* Опыт о человеческом разумении. *Локк Дж.* Сочинения в 3 томах. Т. 3. М.: Мысль, 1988 (Locke, John, *Essay concerning Human Understanding*, Russian Translation).

Платон 2007 – *Платон*. Софист // *Платон*. Сочинения в четырех томах. Т. 2. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского университета, 2007 (Plato, *Sophist*, Russian Translation).

Фреге 1997 – *Фреге Г.* О существовании. Диалог с С. Пюньером // *Фреге Г.* Избранные работы. М.: ДиК, 1997 (Frege, Ludwig Gottlob, *Dialog mit S. Pünjer über Existenz*, Russian Translation).

Primary Sources

Aquinas, Thomas (1968) *On Being and Essence*, Pontifical Institute Medieval Studies, Toronto.

Armstrong, David (1989) *A Combinatorial Theory of Possibility*, Cambridge University Press, Cambridge.

Carnap, Rudolf (1948) *Meaning and Necessity: A Study in Semantics and Modal Logic*, The University of Chicago Press, Chicago.

Heim, Iren (1983) “File Change Semantics and the Familiarity Theory of Definiteness”, Balerle, R., Schwarze, Ch., von Stechow, A., eds., *Meaning, Use, and Interpretation of Language*, De Gruyter, Berlin, pp. 164–189.

Hume, David (1975) *A Treatise of Human Nature*, Clarendon Press, Oxford.

Ingarden, Roman (1931) *The Literary Work of Art*, Northwestern University Press, Evanston, Illinois.

Kamp, Hans (1981) “A Theory of Truth and Semantic Representation”, Groenendijk, J.A.G., Janssen, T.M.V., Stokhof, M.B.J., eds., *Formal Methods in the Study of Language*, Mathematisch Centrum, University of Amsterdam, Amsterdam, pp. 277–322.

Karttunen, Lauri (1976) “Discourse eferents”, McCawley, J., ed., *Notes from the Linguistic Underground*, Syntax and Semantics, Vol. 7, Academic Press, New York, pp. 363–386.

Kripke, Saul (1980) *Naming and Necessity*, Harvard University Press, Cambridge.

Kripke, Saul (1973) *Reference and Existence (The John Locke Lectures)*, The Saul Kripke Center Archives, The CUNY Graduate Center.

Lewis, David (1975) *Counterfactuals*, Blackwell, Oxford.

Meinong, Alexius (1960) “On Object Theory”, Chisholm, R., ed., *Realism and the Background of Phenomenology*, The Free Press, Glencoe, pp. 76–117.

Parsons, Terence (1974) “A Prolegomenon to Meinongian Semantics”, *The Journal of Philosophy*, Vol. 71, No. 16., pp. 561–580.

Parsons, Terence (1980) *Nonexistent Objects*, Yale University Press, New Haven.

Plantinga, Alvin (1974) *The Nature of Necessity*, Oxford University Press, Oxford.

Rosen, Gideon (1990) “Modal Fictionalism”, *Mind*, Vol. 99, No. 395, pp. 327–354.

Russell, Bertran (1905) “On Denoting”, *Mind*, Vol. 14, pp. 479–493.

Van Inwagen, Peter (1977) “Creatures of Fiction”, *American Philosophical Quarterly*, Vol. 14, pp. 299–308.

Zalta, Esward (1983) *Abstract Objects: An Introduction to Axiomatic Metaphysics*, D. Reidel, Dordrecht.

References

- Nelson, Michael (2012 web) "Existence", *Stanford Encyclopedia of Philosophy*, URL: <https://plato.stanford.edu/entries/existence/>
- Sainsbury, Mark (2005) *Reference without Referents*, Clarendon Press, Oxford.
- Salmon, Nelson (1998) "Nonexistence", *Noûs*, Vol. 32, pp. 277–319.
- Schiffer, Steven (1996) "Language-Created Language-Independent Entities", *Philosophical Topics*, Vol. 24, No. 1, pp. 149–167.
- Thomasson, Amie (2003) "Speaking of Fictional Characters", *Dialectica*, Vol. 57, No. 2, pp. 207–226.
- Thomasson, Amie (1999) *Fiction and Metaphysics*, Cambridge University Press, Cambridge.
- Van Inwagen, Peter (2003) "Existence, Ontological Commitment, and Fictional Entities", Loux, Michael, Zimmerman, Dean, eds., *The Oxford Handbook of Metaphysics*, Oxford University Press, Oxford.

Сведения об авторе

ЧЕРНЯК Алексей Зиновьевич –
кандидат философских наук, доцент
кафедры социальной философии РУДН.

Author's Information

CHERNYAK Alexei Z. –
CSc in Philosophy, Associate Professor
of RUDN University.